

ДЕФЕКТНОСТЬ ПАРАДИГМЫ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ВАРИАНТНОСТИ В ЯЗЫКЕ

Работа представлена кафедрой русского языка.

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор К. П. Сидоренко

Работа посвящена одной из важных проблем морфологии – изучению морфологической парадигмы слова. Автор рассматривает разные аспекты формального выражения грамматического значения. Главное внимание уделяется определению типов дефектных парадигм. Описываются также причины и факторы, влияющие на ее появление.

Ключевые слова: парадигма, дефектная парадигма/дефектность, вариантность, форма, грамматическое значение.

The article is devoted to one of the important problems of morphology – studying of the morphological paradigm of a word. The author investigates different aspects of formal means showing the grammatical meaning. Special attention is paid to definition of types of the defective paradigm. The reasons for their appearance are also described.

Key words: paradigm, defective paradigm/defectiveness, variability, form, grammatical meaning.

В современной лингвистической литературе сложилось двоякое представление о словоизменительной парадигме существительных. С одной стороны, есть исследование А. А. Зализняка «Русское именное словоизменение», «Грамматический словарь русского языка», отражающие «словоизменительные характеристики слова» и дающие возможность «построить парадигму слова»¹. С другой стороны, нет фундаментальных работ, представляющих четкую классификацию дефектности парадигмы, под которой традиционно понимается «появление «аномальных» пустых клеток»². Между тем полное описание дефектных парадигм со вскрытием основных причин и факторов, влияющих на образование отклонений от традиционной матрицы форм и значений, очень важно для современной морфологии.

Начало научного описания морфологической парадигмы было положено в работах А. И. Смирницкого и В. В. Виноградова³. В настоящее время неоднозначная трактовка термина «парадигма» связана с различным пониманием границ слова и частей речи, связи формообразования со словообразованием и словоизменением. Узкое понимание частей речи, обусловленное представлением о парадигме как о системе форм словоизменения, содержится в работах В. В. Виноградова, А. А. Зализняка⁴. Широкое понимание парадигмы как комплекса морфологических форм, охватывающего всю систему формообразования части речи, позволяющего более полно изучить семантическую структуру словоформы, которая представляет грамматическую категорию в тексте, изложено в исследованиях А. В. Бондарко⁵.

В качестве базового мы рассматриваем понятие парадигмы как системы форм словоизменения, т. е. совокупности всех его форм. Форма слова – это «видоизменения слова, объединенные тождеством его лексического значения и различающиеся морфологическим значением»⁶. Идеальная морфологическая парадигма может быть пред-

ставлена как матрица форм, в левой части которой записаны грамматические значения, а в правой обозначены соответствующие им средства выражения. Схемы построения парадигмы, или словоизменительные типы, могут различаться, во-первых, составом форм, т. е. характером организации парадигмы; во-вторых, формальными показателями, т. е. средствами выражения морфологических значений.

При анализе соотношения плана содержания и плана выражения словоформ возможны два направления исследования: во-первых, формальное – анализ внешнего выражения грамматических значений, изложенное в работах В. В. Виноградова, 1947, 1952; А. В. Исаченко, 1954, 2003; в «Грамматике современного русского языка», 1960; «Русской грамматике», 1980; во-вторых, функциональное, представленное в первую очередь работами А. В. Бондарко, Г. И. Пановой, которое, по мнению А. В. Бондарко, предполагает подход от «семантики к средствам ее выражения»⁷. Каждая форма является носителем специфического, свойственного только ей способа языковой интерпретации, выражаемого смыслового содержания. Варианты «совмещаемости» планов выражения морфологической формы и лексемы рассматриваются с позиции их взаимодействия в пределах словоформы.

Существуют исследования, посвященные анализу плана выражения морфологических категорий, прежде всего указанная монография А. А. Зализняка, отражающая «внешнее выражение грамматических противопоставлений в русских именных парадигмах»⁸. В общетеоретических исследованиях по грамматике подчеркивается сложность отношений и отсутствие изоморфизма между планом содержания и планом выражения морфологических единиц, в том смысле, что не каждой единице плана содержания соответствует конкретная единица плана выражения. В работах более частного характера исследуются разные аспекты самих формальных средств, в том числе проблема их вариантности.

Понятия инвариантности и вариантности носят междисциплинарный характер. Под инвариантностью в науке понимается свойство некоторых существенных для системы отношений сохраняться при определенных преобразованиях⁹. В лингвистике инвариантность определяется как «признак или комплекс изучаемых системных объектов, который остается неизменным при всех преобразованиях»¹⁰. Инвариант – некоторая абстракция, то общее, что объективно существует в классе относительно однородных предметов или явлений. Вариантность рассматривается в узком и широком значениях. В широком смысле – это термин, характеризующий способ существования и функционирования языка и системы в целом. В узком смысле вариантность понимается как разные способы выражения какой-либо языковой сущности. В этом случае рассматривается соотношение понятий «вариант» и «инвариант». Вариант характеризует то особенное, что есть только у данного предмета в отличие от других ему подобных, с которыми он связан через свои инвариантные свойства. Парадигматические отношения существуют как вариантно-инвариантные: отношения между членами одной парадигмы – это отношения вариантов между собой, а отношения парадигмы как целого к ее членам – это отношения инварианта и вариантов¹¹.

Проявлением вариантности в широком смысле этого термина может быть дефектность парадигмы существительных. В научной литературе наряду с анализом других явлений затрагивается и проблема дефектности парадигмы, хотя определения не дается. Так, рассматривая схемы построения парадигмы, различающиеся составом форм, а также формальными показателями, В. В. Лопатин выделяет неполноту и избыточность парадигмы, проявляющуюся в «избыточности набора флексий... при наличии вариативности в образовании словоформ»¹².

В «классическом» представлении отклонения от системы словоизменения рассматриваются в применении к терминам

«дефектная», «морфологически недостаточная», «ущербная», «неполная», «некомплектная» парадигма слова. Понимание дефектности парадигмы должно быть значительно шире, чем просто ее недостаточность. Дефектность парадигмы – одно из условий существования и функционирования языка и системы в целом. Как писал Косериу, «...система языка – это система возможностей, которая охватывает идеальные формы реализации определенного языка, эталоны для соответствующей языковой деятельности. Возможности, содержащиеся в системе языка, реализуются в его структуре»¹³. Э. Косериу предлагает рассматривать построение: система – норма – речь. Система и норма взаимодействуют в пределах единого целого – языка как потенциальной деятельности. Они существуют как знание, которое позволяет применять язык. При этом система предлагает языковые элементы и их соотношение, а норма воспроизводит традиционные способы их реализации. Речь – это функционирование языка, которое может быть стандартным воспроизведением нормы, но может и не соответствовать общепринятому образцу. Реализация инвариантной парадигмы существительных, таким образом, может представлять следующие варианты:

1. Наличие полной парадигмы у большинства существительных.

2. Появление так называемых «пустых клеток» (отсутствие каких-либо форм слова, например, отсутствие родительного падежа множественного числа у существительных *мечта*, *мулла*, которые тем не менее при необходимости могут быть образованы (...можно объяснить, почему несколько десятков сельских и городских *мулл* Чечни, сотрудничавших с ними, были в конце концов убиты (КП. 10.09.04)). Кроме того, «пустыми» оказываются не только отдельные «клетки», но и полностью «строки». В этом случае мы можем говорить о определенной дефектности, когда слово имеет только одну неизменяемую форму, как, например, *щец*, *дровец*, или неизменяемые сло-

ва с пол- (*Афганец плеснул себе коньяку и выпил полстакана без закуси* (М. Жукова-Гладкова. *Амазонки для бизнес-леди*)).

3. Наличие дублетных форм, которые не несут никакой дополнительной семантической нагрузки, т. е. избыточность парадигмы, Это разные способы формального выражения одних и тех же категорий. К ним следует, в частности, отнести:

а) наличие флексии -у наряду с -а в родительном падеже у существительных мужского рода единственного числа, употребляющихся в партитивном значении (*чая-чаю; сахара-сахару. Выпил чая... и усох* (КП.18.02.05). ...*Кирсанов нехотя, с кислой миной предложил мне чаю* (М. Серова. *Меховое дельце*). *Увидеть ежа – и умереть... от смеха!* (КП.10.12.2004). *Девчонки показались со смеху* (КП. 26.05.06));

б) наличие флексии -у наряду с -е в предложном падеже со значением места у существительных мужского рода единственного числа (*в отпуске – в отпуску*);

в) формы именительного падежа множественного числа существительных мужского рода, называющих лиц по профессии или по роду деятельности, а также называющих различные приспособления (*инспекторы – инспектора, прожекторы – прожектора; вееры – веера. После заправки клапана действительно стучат* (Труд. 2007. № 105). *Инспектора по защите прав потребителей вправе приостановить незаконную торговлю БАДами... и оштрафовать продавца* (КП. 28.07.05), но: *Разве инспекторы не знают, где находятся подпольные водочные цеха и склады, воровские малины?*(*Калейдоскоп*. 1997. № 40)).

В грамматиках формы таких существительных представлены как варианты в узком смысле, т. е. тождественные по своему морфологическому значению, но различные по способу выражения. Вариантность такого рода разработана в лингвистической литературе, в частности в исследованиях В. В. Виноградова, А. А. Зализняка, К. С. Горбачевича, Л. К. Граудиной¹⁴. Но не всякая вариантность форм является

избыточной. Если две словоформы имеют одни и те же лексическое и грамматическое значение, т. е. одинаковы в плане содержания, но различаются в плане формального выражения, то они являются избыточными (равно как избыточными являются формы глагола 3-го лица – *махает – /машет*, о которых говорил еще М. В. Ломоносов¹⁵). Избыточность форм возникает при тождестве падежных значений. Словоформы предложного падежа могут быть дифференцированно связаны с разными значениями: в словосочетании «быть в цеху» предложный падеж имеет местное значение, в сочетании «говорить о цехе» – значение косвенного объекта речи (*Нейромаркетинг – это сочетание науки о человеческом мозге и экономики* (Огонек. 2005. № 5) – ...*мысль «случись что-нибудь – погибнем в одну минуту» не угасала в мозгу* (КП. 5.05.05)). Формы типа «в лесу» – «о лесе» следует считать вариантными, т. е. разными формами выражения разных значений предложного падежа, но нельзя считать избыточными. О вариантности, на наш взгляд, следует говорить в том случае, если все слова данного словоизменительного типа, принадлежащие одному лексико-грамматическому разряду, имеют две формы выражения, например, все существительные мужского рода единственного числа с вещественным значением имеют в родительном падеже окончания -а/-у. Но это далеко не так. Например, в толковом словаре¹⁶ указана вариантная флексия -у для существительного *пурген* и не обозначена соответствующая помета для другого слова, называющего лекарственный препарат, – *аспирин*. Формы родительного падежа на -у употребляются в количественном значении при назывании части чего-либо, но в этом же значении может свободно употребляться и форма на -а (*народа/народу. Думаю, что много народа будут просто уходить из зрительного зала* (АиФ. 2007. № 41). *Самолечением «травками» увлекается все больше и больше народу* (АиФ. 2005. № 21)). Точно так же не все существительные, называющие лиц по про-

фессии или роду деятельности, имеют варианты флексии именительного падежа множественного числа.

4. Появление нестандартных, нерегулярных форм (образование форм множественного числа существительных женского рода (сходни – сходней). Отличительная особенность слов с дефектной парадигмой – их «считаемость», в словарях они снабжены соответствующими пометами, например, «Р. мн. затр.», «Р. мн. нет», «И. мн. -и, ы/-а».

В. В. Виноградов отмечал, что между вариантностью и нормой «существует двусторонняя зависимость»: характер вариантности определяет специфику языковой нормы, с другой стороны, именно норма устанавливает число и типы допустимых вариантов, а также регулирует их употребление. Узус приобретает способность менять систему языка. Так, например, словарями допускаются варианты формы именительного падежа множественного числа -а/-ы, даже те, которые ранее считались просторечными (*слесаря – слесари*)¹⁷. Большинство слов, имеющих флексию -а, охарактеризованы как социально маркированные или профессиональные. В речи поваров мы встречаем *соусА, супА*, (из книги рецептов); в речи военных *взводА, госпиталЯ*; в речи моряков *боцманА, мичманА*; чертежников *кульманА, штангелЯ*; работников правоохранительных органов *обыскА, приводА, срокА*; в уголовной среде *корешА, мусорА, фраерА, люберА*. Но эти же формы могут встречаться не только в профессиональной речи: *От беспорядочного разведения страдают и декоративные породы; покусать могут и пуделя, и кокер-спаниели, и бассеты* (*Калейдоскоп. 1997. № 43*). *Требуются кондуктора* (*Из объявления в троллейбусе*). *Отчего так приятны для глаза стога?* (*КП. 5 декабря 1997*). *И какие штемпеля стоят на вашей почте?* (*АИФ. 1996, № 5*). *Полиса ОСАГО* (*Объявление на здании отделения связи города Волхова*), но: *Жителям Петербурга в Ленинградской области помощь оказывается бесплатно, и страховые медицинские полисы действительны в обоих субъек-*

тах Федерации (*КП. 16-23.06.05*). *«Опера принесли из дома борщ, колбасу, сало, – вспоминают они. – Откормили, чем могли»*. Более поздние заимствования имеют флексию -ы: *В агентстве Рейтер подделку не заметили, а обнаружили ее блоггеры* (*КП. 17.08.06*). *Я бы в трейдеры пошел – где меня научат* (*24 часа. 2006. № 47*). *Настоящие флеш-моберы пишут мне письма с проклятиями* (*КП. 18–25.10.07*). *Эспейперы – мое поколение* (*КП. 12.11.04*). Но: *Юзера всех стран объединяйтесь!* (*КП. 2001*). Кроме того, вопреки рекомендациям грамматик, у демиинутивов отмечается флексия -а: *Водички выпьешь? – спокойно спросила я. – Или коньячка?* (*М. Жукова-Гладкова. Амазонки для бизнес-леди*). Очевидно, употребление вариантов форм зависит от речевой компетенции и языкового вкуса употребляющих их людей. В формальном же плане это разные способы выражения одного и того же падежа.

Классификация дефектных парадигм существительных русского языка может быть представлена следующим образом:

I. Слова с избыточными формами:

1. Существительные, имеющие так называемый второй родительный падеж (чай – чая/чаю).

2. Существительные, имеющие так называемый предложный падеж (отпуск – в отпуске / в отпуску).

3. Существительные, имеющие дублетные формы именительного падежа множественного числа (инспектор – инспектора).

II. Слова с нерегулярными, нестандартными формами:

Существительные, имеющие нестандартные, нерегулярные формы, например, родительного падежа множественного числа (барышня /барышень, сходни /сходней).

III. Слова с недостающими формами:

1. Существительные, не имеющие форм родительного падежа множественного числа (мечта, кума).

2. Существительные, не имеющие никаких форм, кроме родительного падежа множественного числа (дровец, щец).

3. Существительные, не имеющие никаких словоформ, кроме именительного и винительного падежей (огнь, пламень, поросля).

IV. Существительные с предельной дефектностью, слова, имеющие только одну форму:

Существительные, состоящие из начального **пол-** и родительного падежа существительных (типа полдороги).

Таким образом, дефектность парадигмы является проявлением вариантности в языке в широком смысле, способом функционирования категории падежа существительного. Система форм каждого конкретного слова может совпадать с традиционной матрицей форм (*вода, окно*); может быть

шире ее, иметь вариантные (*лес – в лесу/о лесе*) или дублетные (*цех в цехе/в цеху; народ – народа/народу; скутеры/скутера*); может быть уже с «пустыми клетками» (*тахта*) или целыми «строками» (*щец, кума, злость*). Причины дефектности могут быть, во-первых, обусловлены системой языка, в частности несогласованностью лексического значения слова с морфологическим значением каких-либо форм данной части речи¹⁸. По этой причине имеют неполную парадигму – не образуют множественного числа – абстрактные, собирательные существительные (*риск, листва*). Во-вторых, дефектность может быть случайной, ничем не мотивированной, как в случае с существительными типа тамада.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967; *Он же*. Грамматический словарь русского языка. М., 1976.

² Плузган В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2003. С. 119.

³ Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. М., 1955; Виноградов В. В. О формах слова // Исследования по русской грамматике: Изб. тр. М., 1975.

⁴ Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.

⁵ Бондарко А. В. Теория морфологических категорий // Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М., 2005.

⁶ Русская грамматика. М., 1980. Т. 1. С. 455.

⁷ Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. М., 2007. С. 14; Грамматика русского языка: В 3 т. М., 1960. Т. 1; Исаченко Н. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. М., 2003; Панова Г. И. Общие вопросы русской морфологии. Абакан, 1991.

⁸ Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. С. 4.

⁹ Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 48.

¹⁰ Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. С. 5.

¹¹ Солнцев В. М. Вариантность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. 1984. № 3. С. 31–42.

¹² Лопатин В. В. Слово и грамматические законы языка. Имя. М., 1989.

¹³ Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3. С. 173–175.

¹⁴ Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. М., 1973; Граудина Л. К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты. М., 1980.

¹⁵ Ломоносов М. В. Российская грамматика // Труды по филологии. ПСС. Т. 7. М.; Л., 1952. С. 616.

¹⁶ Большой толковый словарь / Под. ред. С. А. Кузнецова. М., 2001.

¹⁷ Большой грамматический словарь / Под. ред. А. Н. Тихонова. М., 2006.

¹⁸ Мельчук И. А. Курс общей морфологии. М., 1997. С. 342.